

И. В. Побережников

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

doi: 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-140-148

УДК 930(470)"1990/2010"

ББК 63.1(2)64

В статье проанализированы дискуссионные проблемы российских модернизаций, нашедшие отражение в новейшей литературе конца 1990–2010-х гг. Выявлено два подхода к характеристике самого процесса модернизации: как универсального и закономерного процесса; как процесса, который характеризуется страновым своеобразием. Отмечается связь первого подхода с оптимистическими или пессимистическими оценками результативности модернизации в зависимости от того, насколько плотно и объемно проводится сравнение с эталоном. Второй подход квалифицируется как более гибкий, но ведущий к релятивизации общих оценок процесса модернизации. Проанализированы интерпретации российских модернизаций с точки зрения включенности в них различных движущих сил: государства, бюрократии, предпринимателей, различных организационных и социальных структур. Намечается перспективный подход к изучению модернизаций с выходом на региональный уровень и отдельные временные интервалы с целью моделирования конкретных субстранных модернизаций, который учитывает обширные размеры страны и разнообразие входящих в ее состав регионов, а также продолжительность самой модернизационной трансформации.

Ключевые слова: *модернизация, Российская империя, историография, интерпретация, концепция, динамика, движущие силы, государство, либеральная бюрократия, иностранный капитал, предпринимательство*

В мировой гуманитаристике сложилось два лагеря, которые базируются на разных подходах: условно их иногда называют социологами и антропологами. Первые предпочитают фокусировать внимание на «больших» объектах, стараются выявлять долгосрочные тенденции и структурные характеристики; вторые делают акцент на конкретные, зачастую уникальные ситуации (кейсы), проявления субъективности: установки, интересы, мотивы и т. д. В связи с тем что значительная часть второй половины XX в. в мировой историографии сопровождалась ростом популярности исторической антропологии, локальной истории, микроистории, истории повседневности, позиции сторонников второго лагеря упрочивались. Однако в последнее время вновь стал нарастать интерес к сюжетам «большой» истории, к макроуровневым процессам, что, видимо, объясняется как влиянием глобализации, так и очевидной недостаточностью исследований, сфокусированных только на микро-масштаб.

Сторонники модернизационного подхода в большей степени отождествляются с первым лагерем, хотя вследствие большого разнообразия самого подхода, который не стоит

на месте, но, подобно губке, впитывает новые теоретические и методологические новации, адаптируется к тенденциям и обстоятельствам современной эпистемологической ситуации, они (частично) могут выступать посредниками между обоими лагерями.

«Большая» история России в современной литературе рассматривается, конечно, в русле различных теоретических парадигм: цивилизационных, формационных, модернизационных, структурно-демографических, (нео)институциональных, тьермондистских и т. д. Но при этом модернизационный подход является одним из наиболее востребованных и популярных. Его функциональность, наверное, можно объяснить сфокусированностью на изучении реальных, вполне фиксируемых макропроцессов, включаемых в модернизационный контекст (индустриализации, урбанизации, профессионализации и т. д.). Кроме того, следует согласиться с мнением Л. И. Бородкина, который видит причину востребованности данного подхода в признании существующей связанности множества частных изменений, происходящих во время перехода (который носит всесторонний характер) от традиционного к индустриальному обществу, обладающего, в свою очередь, определенными закономерностями.¹

Побережников Игорь Васильевич — д.и.н., директор, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: pober1871@mail.ru

¹ Бородкин Л. И. Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX–XX веках: методологические аспекты // Цивилизации. М., 2015. Вып. 10. С. 203.

Тема российских модернизаций активно разрабатывалась на протяжении последних десятилетий в отечественной литературе. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций. Наиболее полно раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики России, субпроцессов, моделей модернизации; результаты этих исследований уже становились предметом историографического анализа.²

В данной статье предпринимается попытка проанализировать интерпретации модернизаций в Российской империи, предложенные в новейшей литературе конца 1990-х — 2010-х гг. Именно с конца 1990-х гг. историк Н. А. Проскурякова выделила «качественно новый этап модернизационных исследований», связав его наступление с «практическим освоением этой парадигмы специалистами по российской истории», разработкой «конкретно-проблемной методологии модернизационных исследований», обращением к изучению «пространственно-временных проявлений субпроцессов российской модернизации».³ Для данного этапа была характерна творческая и самостоятельная разработка российскими исследователями собственных оригинальных подходов, концепций российских модернизаций. При этом в ходе организованных в последние годы дискуссий обнаружилось множество спорных вопросов, концептуально-методологических расхождений в трактовке российских модернизаций.⁴ Не претендуя в данной публикации

на сплошной историографический обзор всех работ, вышедших в указанный период, что просто невозможно в рамках одной статьи, мы планируем сфокусировать внимание лишь на ключевых дискуссионных вопросах применения модернизационной парадигмы при изучении российской истории имперского периода, причем преимущественно на основе изучения не монографий, а дискуссионных статей, гораздо более быстро, оперативно реагирующих на историографические вызовы.

Трактовка сущности модернизации

Трактовка любой истории (в случае, конечно, применения модернизационного подхода), в том числе и отечественной, зависит от того, как автор понимает сущность самого процесса модернизации. Необходимо признать, что, несмотря на некоторые нюансы, большинство исследователей изначально связывало модернизацию с трансформацией традиционного, аграрного общества в современное, индустриальное (некоторые распространяли понятие модернизации и на последующие преобразования, связанные с переходом к постиндустриальному состоянию).⁵ Подобный подход доминирует и в современных исследованиях.

Сетую на то, что модернизацией называют все что угодно, отождествляя ее с любыми инновациями, классик модернизационного подхода В. Г. Хорос дает четкое определение понятия модернизации: «это переход от традиционного, добуржуазного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Это длительный исторический процесс — примерно с XVI в. по настоящее время, причем для многих стран он

² Напр., см.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия / Красильщиков В. А. [и др.]. М., 1994; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011; Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1; 2015. Т. 2; 2015. Т. 3; Он же. Российская модернизация и революция. СПб., 2019; Проскурякова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; Волков В. В. Экономическая модернизация России XVIII — начала XX в. в современной отечественной историографии // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. История. 2007. № 1. С. 79–89; Трофимов А. В. Модернизационная парадигма российской истории XX в. (по страницам «Уральского исторического вестника») // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 1. С. 43–47; Побережников И. В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Урал. ист. вестн. 2017. № 4 (57). С. 36–45.

³ Проскурякова Н. А. Указ. соч. С. 163.

⁴ Проблемы модернизации России в XIX–XX вв.: теоретико-методологические подходы, исследовательский опыт / Бородин Л. И. [и др.] // Бюллетень Науч. сов. РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. Саранск, 2007. № 5. С. 3–23; Цивилизации. М., 2015. Вып. 10; Поселягин Н. В. Испытание модерностью (от редактора) // Новое литератур-

ное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 16–18; Дэвид-Фокс М. Ш. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная, переплетенная? // Там же. С. 19–45; Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140). С. 46–91; Былые годы. Рос. ист. журн. 2016. № 41–2 (3). С. 848–1064; Бородин Л. И. Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // Урал. ист. вестн. 2017. № 4 (57). С. 6–15; Миронов Б. Н. Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизаций // Там же. С. 16–24; Бокарев Ю. П. Теория модернизации и экономическое развитие // Там же. С. 25–35; Побережников И. В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Там же. С. 36–45; Мироненко С. В. Россия на пути модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 3–18; Миллер А. И. Где и какую модернизацию стоит искать в истории России? // Там же. С. 19–25; Зверев В. В. Путь исканий, потерь и разочарований // Там же. С. 26–32; Давыдов М. А. О проблемах российской модернизации // Там же. С. 33–44.

⁵ См.: Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3–39; Опыт российских модернизаций... С. 11–49; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 53–114.

еще не завершен». При этом исследователь не склонен экстраполировать данное понятие на процессы так называемой постмодернизации (становления постиндустриального общества). «...на Западе или в Японии индустриальное общество массового потребления создано, там идет переход к постиндустриальному обществу, поэтому для них термин “модернизация” уже не годится», — утверждает В. Г. Хорос.⁶

Л. И. Бородкин также связывает модернизацию с переходом от традиционного, аграрного общества к индустриальному, признавая при этом, что в новой и новейшей истории стран, завершивших процесс индустриализации, этот важный исторический этап синхронизировался с существенными изменениями социокультурных, политических, экономических, институциональных аспектов, которые характеризуют эволюцию общества и государства в процессе модернизации.⁷ Исследователь считает деструктивной позицию тех историков, которые отрицают наличие общих закономерностей в эволюции модернизационных процессов и акцентируют внимание на уникальности страновой траектории развития.⁸

Известный специалист по проблемам российской модернизации имперского периода Б. Н. Миронов также трактует саму модернизацию как движение от традиционности к современности, признавая при этом и комплексный и связанный характер процесса: «это множество одновременных изменений в обществе, всеобъемлющий процесс инноваций, охватывающих все сферы социальной жизни и оказывающих воздействие на все социальные институты и всех членов общества».⁹

По мнению В. В. Шелохаева, понятие модернизации можно использовать как в широком смысле, так и в узком: в первом случае для обозначения собственно исторического процесса (перехода от традиционного общества к современному, открытому обществу как в общемировом, так и в региональном масштабе); во втором же — для определения исследовательского метода, подхода к изучению исторического процесса.¹⁰

При этом В. В. Шелохаев считает модернизационный подход продуктивным в плане «оптимизации исторического познания», поскольку его сторонники открыты для восприятия сущностных моментов других концепций; признают вероятность различных сценариев реализации исторического процесса (эволюционного, революционного, комбинированного); отказываются от абсолютизации метода и универсализации самого процесса (признают возможность в одних случаях относительно безболезненного перехода от традиционного к современному обществу, а в других — нарастания конфликтных и деструктивных процессов, которые могут закончиться национальной катастрофой); замечают синхронность и асинхронность в развитии различных стран и регионов, различную степень интенсивности сдвигов в разных сферах человеческой жизнедеятельности.¹¹

Отличный от универсалистских интерпретаций взгляд на суть модернизационных трансформаций высказал в ходе дискуссии 2018 г. историк А. И. Миллер. Он выступил против прямолинейного представления о модернизации как о повторении западного маршрута под влиянием со стороны западных же стран, поскольку подобное представление о неизбежности и правильности догоняющего развития по западным образцам уже устарело и не соответствует реальной представленности модерности в различных вариативных политических и социальных формах (согласно известной концепции «множественных модернов» Ш. Эйзенштадта).¹² А. И. Миллер в этой связи справедливо предложил рассматривать опыт авторитарной модернизации Российской империи в свете поиска своих особых моделей развития, которые могли бы позволить успешно конкурировать с более развитыми странами ядра капиталистической мир-системы (в терминологии И. Валлерстайна).¹³

Уральскими историками было предложено определение модернизации как всеобъемлющего процесса инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному, индустриальному обществу, включавшего множество субпроцессов: индустриализации, урбанизации, профессионализации, бюрократ-

⁶ Хорос В. Г. Модернизация в цивилизационном анализе // Цивилизации. М., 2015. С. 8.

⁷ См.: Бородкин Л. И. Концепции модернизации и модерности... С. 6.

⁸ См.: Он же. Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX–XX веках... С. 203.

⁹ Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская // Вестн. Санкт-Петербур. ун-та. История. 2018. Т. 63, № 1. С. 55–56.

¹⁰ См.: Шелохаев В. В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия?... Кризис институ-

циональных систем: век, десятилетие, год: Междунар. симпоз. М., 1999. С. 30.

¹¹ См.: Там же. С. 30, 31.

¹² См.: Миллер А. И. Указ. соч. С. 20, 21.

¹³ См.: Там же. С. 21.

тизации, демократизации и т. д.¹⁴ Признавая корректность в целом подобного определения, автор данной публикации впоследствии попытался его усовершенствовать, чтобы снять присущий ему недостаток спрямления зигзагов реальных модернизационных процессов, несомненно сложных и противоречивых. Было предложено следующее определение модернизации — это сложный эндогенно-экзогенный направленно-циклический процесс взаимодействия структур и деятельностей, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу.¹⁵ По мнению автора, последнее определение позволяло идентифицировать модернизацию общую и специфическую и могло быть применено для объяснения конкретных способов адаптации к средовым условиям, т. е. конкретных модернизаций: временных, цивилизационных, страновых, региональных, протекавших в различные исторические эпохи и в разных пространственных контекстах.

Как мы видим, для многих историков модернизация является универсальным механизмом развития, который подчиняется общим закономерностям (среди рассмотренных трактовок это интерпретации В. Г. Хороса, Б. Н. Миронова, Л. И. Бородкина). Ряд исследователей предпочитает говорить о вариативности модернизации и исторической конкретности закономерностей (А. И. Миллер, В. В. Шелохаев, И. В. Побережников).

Представляется, что теоретическое противоречие между «универсалистами» и «спецификаторами» можно снять с учетом фактора межстрановых взаимодействий в эпохи Нового и Новейшего времени, которые, очевидно, приводили к диффузии идей, технологий, организационных моделей. В итоге подобного взаимодействия между своеобразными (даже уникальными, но не самодостаточными и не изолированными друг от друга) странами создавалась зона универсальной истории, где действовали историческая преемственность, эстафетность, исторический прогресс, но при этом сохранялась сфера страновых и региональных идентичностей, внутренних ритмов, структурной и содержательной уникальности, неразменности внутреннего опыта.

¹⁴ См.: Региональное развитие в контексте модернизации / Алексеев В. В. [и др.]. Екатеринбург; Лувен, 1997. С. 88.

¹⁵ См.: Побережников И. В. Линейность VS многовекторность: реконцептуализация модернизаций // Цивилизация. Модернизация. Идентичность: материалы междунар. науч. симпоз. М., 2012. С. 42–52.

Динамика модернизации

Еще в 1990-е гг. среди отечественных исследователей сложилось два подхода в оценке динамики модернизации: оптимистический и пессимистический. Первый, оптимистический, нашел наиболее яркое воплощение в трудах Б. Н. Миронова,¹⁶ который трактовал историю России как эффективное и нормальное, хотя и с некоторыми особенностями, повторение исторического пути Запада.¹⁷ Пессимистический взгляд в оценке российских модернизаций был сформулирован в трудах А. С. Ахиезера, В. Г. Хороса, В. А. Красильщикова¹⁸ как представление об альтернативном пути развития по незападному образцу, предполагающему выборочное заимствование технических и организационных достижений более развитых стран в сочетании с одновременным ужесточением добуржуазных, архаических методов эксплуатации трудящихся, прогрессирующей централизацией и бюрократизацией системы управления (контр- или псевдомодернизация, или «околомодернизация»).

В новейшей литературе подобное размежевание сохранилось. Так, Б. Н. Миронов продолжает последовательно доказывать успешность имперской модернизации, несмотря на то что она была прервана «военной революцией» 1917 г. (модернизация и революция — особая тема, которой посвящена обширная научная литература и которая заслуживает отдельного рассмотрения).¹⁹ Развитие страны в имперский период, по мнению Б. Н. Миронова, проходило по «классическому европейскому сценарию», «как будто написанному теоретиками модернизации специально для России»: ²⁰ развитие индустриальной и рыночной экономики,

¹⁶ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2.

¹⁷ См.: Он же. Российская империя...

¹⁸ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. Т. 1; Хорос В. Г. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А. С. Ахиезера) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 99–111; Модернизация: зарубежный опыт и Россия...

¹⁹ См.: О причинах русской революции. М., 2010; Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция; Петров Ю. А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Экономическая история. 2017. № 2 (37). С. 9–23; Дворниченко А. Ю., Котов А. Э. Столетний юбилей великих потрясений в зеркале новейшей российской историографии // Былые годы. 2018. Т. 50. Вып. 4. С. 1752–1765; Акулишин П. В., Гребенкин И. Н. 100-летие российской революции: юбилейные вехи отечественной историографии // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 292–311.

²⁰ Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская... С. 54, 56.

основанной на конкуренции и частной собственности; складывание индустриального, урбанистического образа жизни; формирование гражданского общества; складывание правового государства, российской нации; демократизация семьи и формирование современной личности; секуляризация и т. д.²¹ «Поскольку имперская Россия модернизировалась, а благосостояние населения при этом росло, — заключает историк, — модернизацию следует признать успешной, несмотря на все издержки, трудности и периодические кризисы».²² Успешность же российской имперской модернизации, по мнению Б. Н. Миронова, можно объяснить естественным тяготением страны и элиты к европейскому пути развития, а также проводимой политикой модернизации, которая была направлена на достижение показателей передовых европейских стран.²³

М. А. Давыдов также признает успешным ход российской модернизации после 1861 г., особенно в конце XIX — начале XX в. (скорее, именно на рубеже столетий, когда страна «имела первый в мире среднегодовой темп промышленного развития, равный 6,65 %, начала успешную аграрную реформу»), когда удалось в значительной степени сократить отставание от наиболее развитых стран Запада.²⁴ Однако в авторской концепции это «модернизация вопреки», которая «тем не менее... шла успешно» и «могла быть более впечатляющей», если бы «не категорическое неприятие модернизационной модели» преобладающей частью элит, в том числе и большинством правительства, их весьма активное сопротивление ее реализации, доминирование антирыночной и патерналистской психологии, антикапиталистических, социалистических, антибуржуазных настроений (антимещанства, антиевропеизма, неявной ориентации на автаркию) как в правительственных кругах, так и в обществе, в том числе в «образованном классе»; своеобразный симбиоз социального расизма и политического инфантилизма российских элит в отношении крестьянства, которое в целом не воспринималось ими как полноценный и равноправный социальный партнер; как следствие подобного отношения, исковерканная психика крестьян, низкий уровень правосознания народа, «быстрый и мощ-

ный рост иждивенческих настроений» в его среде, «непреодоленное... культурное наследие прошлого» и т. д.²⁵ В подобном контексте успешная модернизация выглядит несколько парадоксальным явлением, преодолевающим непреодолимые препятствия, — благодаря то ли естественному ходу жизни, то ли титаническим усилиям отдельных реформаторов типа С. Ю. Витте и П. А. Столыпина.

Менее оптимистичен в оценке динамики российской модернизации В. В. Шелохаев, который, признавая переход от традиционного к современному обществу общемировой тенденцией, призывает выяснять ее «региональные или страноведческие особенности», которые могут реализоваться в самых многообразных формах, включавших в том числе «рывки» и «откаты», и даже определенные «зигзаги», «которые как бы возвращают процесс к исходной точке, заставляя вновь и вновь “проигрывать”, казалось бы, уже пройденные этапы», и могут стимулировать «нарастание конфликтных и даже деструктивных процессов, приводящих к национальной катастрофе».²⁶

К числу стран со сложной судьбой В. В. Шелохаев относит и Россию, где модернизация началась с опозданием и содействовала наступлению революции. Действуя в целом по европейскому образцу, архаичный самодержавный режим при этом сознательно затягивал начало давно назревших преобразований, проводил их крайне непоследовательно, выборочно, перекладывая бремя на население, не уделял необходимого внимания налаживанию сбалансированной экономической системы, пропорциональному развитию всех отраслей народного хозяйства, не учитывал в должной мере социальных, демографических и т. д. последствий индустриализации и урбанизации.²⁷

При этом автор выделяет и положительные результаты отечественной модернизации: это отмена крепостного права, индустриализация, реформа армии и судебной системы, политические преобразования 1905–1906 гг., аграрная столыпинская реформа и т. д., — в результате которых страна в предельно сжатые исторические сроки, менее чем за полвека, создала индустриальную базу, систему рыночной экономики, сформировала элементы гражданского

²¹ См.: Там же. С. 56, 57.

²² Там же. С. 60.

²³ См.: Там же. С. 57.

²⁴ См.: Давыдов М. А. Указ. соч. С. 33, 42.

²⁵ См.: Там же. С. 33–44.

²⁶ Шелохаев В. В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема... С. 31, 32.

²⁷ См.: Там же. С. 32–38.

общества и правового государства, достигла заметных успехов в сфере просвещения, культуры, национального самосознания.²⁸

В. П. Булдаков фокусирует внимание на неудачах модернизации в России, пытаясь вскрыть их причины: природно-климатические особенности, обусловившие экстенсивный тип развития; бюрократическое отчуждение власти от народа; устойчивость патерналистской ментальности; преобладание мобилизационной, а не модернизационной психологии, подкрепленной авторитарным наследием, в власти; иждивенческие настроения народных масс, неукорененность индивидуалистических достижительских ориентаций и представлений в их среде. По мнению В. П. Булдакова, «модернизационные действия» предпринимались властью преимущественно для укрепления государственности и существующего порядка — соответственно, творческий потенциал общества оказывался невостребованным; интеллигенция же стремилась освободиться от опеки со стороны государства. В итоге все это резюмировалось в циклической, кризисной динамике, включавшей мобилизационные рывки и регулярные возвращения в привычное состояние застоя.²⁹

Таким образом, в современной историографии сохраняется вариативность в интерпретации динамики российских модернизаций. При этом можно выделить две полярные позиции: с одной стороны, российские модернизации оцениваются как безусловно успешные и эффективные, повторявшие по сути европейский сценарий развития; с другой стороны, утверждается застойный или циклический характер исторической динамики, сопровождаемой скорее мобилизационными (а не модернизационными) рывками, заранее обреченными на крах. Промежуточное место принадлежит попыткам, наряду с поиском общемирового тренда, выделить страновые особенности, «зигзаги», которые придавали национальной модернизации большое своеобразие, способное в перспективе стимулировать социальные конфликты и конфронтацию.

Движущие силы модернизации

К числу спорных относится вопрос движущих сил, агентов и проводников модернизации, который, между прочим, имеет существ-

венную общественную значимость. В историографии широко распространено мнение о том, что государство выступало едва ли не единственным актором российских модернизаций, как имперской, так и тем более советской.³⁰ Другая концепция, дуалистической имперской модернизации, предполагает наличие по меньшей мере двух потоков или уровней: доминирующей, преимущественно этатистской и спонтанной, естественной, низовой модернизации.³¹

В новейших исследованиях данная проблема сохраняет свой дискуссионный характер. Так, историк С. В. Мироненко, по сути начиная модернизацию с Великих реформ, считает ее двигателем государство и либеральную бюрократию: «Произошла “революция сверху”, которую осуществила самодержавная власть, опираясь на либеральную бюрократию или, если угодно, вместе с ней. Либеральная бюрократия сыграла в России ту роль локомотива истории, которую на Западе сыграла буржуазия»; «...отмена крепостного права, другие великие реформы состоялись именно благодаря ведущей роли государства и насилию, которое оно совершило ради России»; «Не будь либеральной бюрократии, не было бы великих реформ второй половины XIX в. Я не вижу другой силы, которая оказала такое мощное влияние на российскую историю данного периода».³²

При этом С. В. Мироненко отмечает ограниченность либеральной бюрократии как движущей силы модернизации, обусловленную отсутствием у нее собственности, что «делало ее уязвимой и не столь радикальной, как того требовала жизнь», сопряженностью с государственностью («плоть от плоти, кровь от крови Российского государства, она несла в себе все его черты», в частности «доведенный до абсурда патернализм, когда каждый шаг регламентировался и контролировался государством»)³³.

По сути только государство в роли актора российской модернизации видит и В. В. Шелохаев: модернизация была инициирована сверху, волевыми усилиями верховной власти, болезненно переживавшей поражение

²⁸ См.: Там же. С. 31, 32.

²⁹ См.: Булдаков В. П. Модернизация и Россия. Между прогрессом и застоем? // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 15–26.

³⁰ См.: Модернизация: зарубежный опыт и Россия...; Хорос В. Г. В поисках ключа к прошлому и будущему... С. 99–111.

³¹ См.: Керов В. В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2016; Миронов Б. Н. Социальная история России... Т. 2. С. 333.

³² Мироненко С. В. Указ. соч. С. 14, 18.

³³ Там же. С. 18.

в Крымской войне, при этом власть действовала в духе многовековой традиции: любая инициатива преобразований могла исходить только от самодержца; власть не имела ни краткосрочного, ни перспективного плана преобразований, не занималась экспертной оценкой их возможных последствий; главной целью, по мнению В. В. Шелохаева, было сохранить инициативу и контроль за преобразованиями, не допустить какой-либо активности снизу. В итоге актор модернизации не осознавал смысла и внутренней логики модернизационного процесса, его конечных последствий, ведущих объективно к преобразованию существовавшей политической, институциональной системы, кардинальным изменениям в отношениях между властью и формировавшимся гражданским обществом, и «закладывал мину замедленного действия, которая рано или поздно должна была взорваться».³⁴

К принципиально иным выводам приходит историк Ю. А. Петров, анализируя впечатляющий экономический рост России в позднимперский период. Он выделяет трех акторов, обеспечивших поступательный эффект экономического развития страны: это отечественный предпринимательский капитал, иностранный капитал и государство. Не отрицая значимой роли государства, Ю. А. Петров все-таки считает, что главными катализаторами индустриального роста были иностранные и отечественные предприниматели, причем «отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народнохозяйственной системе страны».³⁵

Исследование же, проведенное коллективом уральских ученых, продемонстрировало многообразие движущих сил российской модернизации имперского периода, отнюдь не сводимых только к самодержавному государству.³⁶ Да и само государство не оказалось инвариантным монолитом, обладавшим неизменными рецептами развития для всего периода истории империи; было доказано, что на самом деле стратегии модернизации менялись, государство действовало через разнообразные структуры разного уровня и разной

ведомственной принадлежности, интересы которых далеко не всегда совпадали.

Таким образом, при разработке вопроса о движущих силах модернизации сложилось несколько подходов: моноподход (государство) и гетероподход (различные организационные и социальные акторы). Уже проведенные исследования свидетельствуют в пользу более широкого подхода, не сводящего движущие силы модернизации только к государству (надо учитывать, что само государство не выступало как некая единица, а включало различные уровни управления и ведомственные интересы), но предполагающего включение в процессы модернизации (в различные периоды времени и в разных сферах) разнообразных социальных и организационных сил.

В целом современные дискуссии демонстрируют сочетание традиций и новаций. Сохраняется определенная вариативность при характеристике самого процесса модернизации — с акцентами на универсальность и закономерный характер этого процесса, с одной стороны, и страновое своеобразие, с другой. Первый подход, естественно, резюмируется оптимистической или пессимистической оценкой результативности модернизации в зависимости от того, насколько плотно и объемно проводится сравнение с эталоном. Второй подход отличается большей гибкостью и создает большее пространство для аналитического маневра, правда, при этом сохраняется риск релятивизации общих оценок процесса модернизации и скатывания к узко понимаемой модели уникального особого пути или колеи развития. Фокусировка внимания на движущих силах модернизации позволяет выйти на более динамичные реконструкции борьбы и конкуренции за проекты будущего развития. Учитывая обширные размеры страны и разнообразие входящих в ее состав регионов, а также продолжительность самой модернизационной трансформации, считаем перспективным выход на региональный уровень и отдельные временные интервалы с целью моделирования конкретных субстрановых модернизаций.

³⁴ Шелохаев В. В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема... С. 31.

³⁵ Петров Ю. А. Экономический рост позднимперской России и система С. Ю. Витте // Исторические вызовы и экономическое развитие России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2019. С. 32–36.

³⁶ См.: Акторы российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016.

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: pober@r66.ru

PROBLEMS OF RUSSIAN MODERNIZATIONS OF THE IMPERIAL PERIOD
IN CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHY

The article analyzes the debatable problems of Russian modernizations, which are reflected in the latest literature of the late 1990–2010s. Two approaches to the characterization of the modernization process itself are revealed: as a universal and regular process; as a process that is characterized by country-specific features. The author notes the connection of the first approach with optimistic or pessimistic assessments of the effectiveness of modernization, depending on how tight and voluminous the comparison with the benchmark is made. The second approach qualifies as more flexible, but leading to relativization of the general assessments of the modernization process. Interpretations of Russian modernizations are analyzed from the point of view of involvement of various driving forces: the state, the bureaucracy, entrepreneurs, various organizational and social structures. The paper outlines a promising approach to the study of modernizations with access to the regional level and certain time intervals aimed at modeling specific sub-country modernizations. This approach takes into account a vast size of the country, diversity of its constituent regions and duration of the modernization transformation itself.

Keywords: *modernization, Russian empire, historiography, interpretation, concept, dynamics, driving forces, state, liberal bureaucracy, foreign capital, entrepreneurship*

REFERENCES

- Akhiezer A. S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: criticism of historical experience]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 1997, vol. 1. (in Russ.).
- Aktory rossiyской imperskoy modernizatsii (XVIII — nachalo XX v.): regional'noye izmereniye* [Actors of Russian imperial modernization (18th — early 20th century): regional dimension]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2016. (in Russ.).
- Akulshin P. V., Grebenkin I. N. [The 100th Anniversary of the Russian Revolution: Jubilee Milestones in National Historiography]. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2019, vol. 9, no. 2, pp. 292–311. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.201 (in Russ.).
- Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Denisevich M. N., Poberezhnikov I. V. *Regional'noye razvitiye v kontekste modernizatsii* [Regional development in the context of modernization]. Ekaterinburg; Louvain: IIA UrO RAN; UrGI Publ., 1997. (in Russ.).
- Bokarev Yu. P. [Theory of modernization and economic development]. *Ural'skij istoricheski vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 4 (57), pp. 25–35. (in Russ.).
- Borodkin L. I. [Concepts of modernization and modernity in the context of Russian transformations of the 19th–20th centuries]. *Ural'skij istoricheski vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 4 (57), pp. 6–15. (in Russ.).
- Borodkin L. I. [The general and the specific in the processes of Russia's modernization in the 19th–20th centuries: methodological aspects]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 201–214. (in Russ.).
- Borodkin L. I., Bokarev Yu. P., Senyavsky A. S., Fursenko A. A., Vorobyov Yu. F., Ananyich B. V., Shpotov B. M., Drozdov V. V., Arsentiev N. M. [Problems of modernization of Russia in the 19th–20th centuries: theoretical and methodological approaches, research experience]. *Byulleten' Nauchnogo soveta RAN po problemam rossiyskoy i mirovoy ekonomicheskoy istorii* [Bulletin of the Scientific Council of the RAS on the problems of Russian and world economic history]. Saransk: OOO "InStItut" Publ., 2007, no. 5, pp. 3–23. (in Russ.).
- Buldakov V. P. [Modernization and Russia. Between Progress and Stagnation?]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2015, no. 12, pp. 15–26. (in Russ.).
- David-Fox M. [Modernity in Russia and the USSR: absent, general, alternative or interwoven?]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 2016, no. 4 (140), pp. 19–45. (in Russ.).
- Davydov M. A. [On the problems of Russia's modernization]. *Rossiiskaia Istorija* [Russian History], 2018, no. 3, pp. 33–44. (in Russ.).
- Dvornichenko A. Yu., Kotov A. E. [The centenary of the great upheavals in the mirror of the latest Russian historiography]. *Bylye Gody* [Past years], 2018, vol. 50, iss. 4, pp. 1752–1765. DOI: 10.13187/bg.2018.4.1752 (in Russ.).
- Kerov V. V. "Se chelovek i delo ego...": *Konfessionalno-eticheskie faktory staroobryadcheskogo predprinimatel'stva v Rossii* ["Se chelovek i delo ego...": Confessional and ethical factors of Old Belief business in Russia]. Moscow: Ekon-Inform Publ., 2016. (in Russ.).
- Khoros V. G. [Searching for key to the past and future (reflections in connection with A. S. Akhiezer's book)]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1993, no. 5, pp. 99–111. (in Russ.).
- Khoros V. G. [Modernization in civilizational analysis]. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10, pp. 7–15. (in Russ.).

- Krasilshchikov V. A., Gutnik V. P., Kuznetsov V. I., Belousov A. R., Klepach A. N., Ziborov G. M. *Modernizatsiya: Zarubezhnyy opyt i Rossiya* [Modernization: Foreign experience and Russia]. Moscow: Infomart Publ., 1994. (in Russ.).
- Miller A. I. [What Kind of Modernization Should We Look for in Russian History?]. *Rossiiskaia Istoria* [Russian History], 2018, no. 3, pp. 19–25. (in Russ.).
- Mironenko S. V. [Russia on the road to modernization]. *Rossiiskaia Istoria* [Russian History], 2018, no. 3, pp. 3–18. DOI: 10.7868/So86956871801003X (in Russ.).
- Mironov B. N. [Argumentative issues of imperial, soviet and post-soviet modernizations]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 4 (57), pp. 16–24. (in Russ.).
- Mironov B. N. [Imperial and Soviet modernization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2018, vol. 63, no. 1, pp. 54–82. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.104 (in Russ.).
- Mironov B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from tradition to modernity]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2014, vol. 1; 2015, vol. 2; 2015, vol. 3. (in Russ.).
- Mironov B. N. *Rossiyskaya modernizatsiya i revolyutsiya* [Russian modernization and revolution]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2019. (in Russ.).
- Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticeskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [A Social History of Russia during the period of the empire (18th — early 20th century): The origin of individualism, the democratic family, civil society, and law-governed state]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1999, vol. 1; vol. 2. (in Russ.).
- Novoye Literaturnoye Obozreniye* [New Literary Review], 2016, no. 4 (140), pp. 46–91. (in Russ.).
- O prichinakh russkoy revolyutsii* [On the causes of the Russian revolution]. Moscow: LKI Publ., 2010. (in Russ.).
- Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka* [The experience of Russian modernization of the 18th–20th century]. Moscow: Nauka Publ., 2000. (in Russ.).
- Petrov Yu. A. [The economic growth of late imperial Russia and S. Yu. Witte system]. *Istoricheskiye vyzovy i ekonomicheskoye razvitiye Rossii: materialy Vseross. nauch. konf. s mezhdunarod. uchastiyem* [Historical challenges and economic development of Russia: materials of the All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation]. Ekaterinburg: Universal'naya tipografiya "Al'faPrint" Publ., 2019, pp. 32–36. (in Russ.).
- Petrov Yu. A. [Russia on the eve of the Great revolution of 1917: recent trends in historiography]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic History], 2017, no. 2 (37), pp. 9–23. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Linearity VS multi-vectoral focus: reconceptualization of modernizations]. *Tsivilizatsiya. Modernizatsiya. Identichnost': materialy mezhdunarod. nauch. simpoziuma* [Civilization. Modernization. Identity: Proceedings of the Intern. Sci. Symposium]. Moscow: ID MEI Publ., 2012, pp. 42–52. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Modernization in the history of Russia: trends and investigation problems]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 4 (57), pp. 36–45. (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. *Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskiye problemy modernizatsii* [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. (in Russ.).
- Poselyagin N. [Ordeal by modernity: (from the editor)]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 2016, no. 4 (140), pp. 16–18. (in Russ.).
- Proskuryakova N. A. [The concepts of civilization and modernization in national historiography]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2005, no. 7, pp. 153–165. (in Russ.).
- [Russian modernization: problems and prospects (Materials of the "round table")]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1993, no. 7, pp. 3–39. (in Russ.).
- Shelokhaev V. V. [Modernization as a theoretical and methodological problem]. *Kuda idet Rossiya?...: Krizis institutsional'nykh sistem: vek, desyatiletie, god 1999: mezhdunar. simpozium* [Where is Russia going?...: Crisis of institutional systems: century, decade, the year of 1999: Intern. symposium]. Moscow: Logos Publ., 1999, pp. 28–38. (in Russ.).
- Trofimov A. V. [Modernization paradigm of the Russian history in the 20th century (reviewing "Ural Historical Journal")]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2015, vol. 22, no. 1, pp. 43–47. (in Russ.).
- Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: Nauka Publ., 2015, iss. 10. (in Russ.).
- Tsivilizatsionnoye svoeyebraziye rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv.: prostranstvenno-vremennoy aspekt* [The civilizational specifics of Russian modernizations of the 18th–20th centuries: spatial and temporal aspect]. Ekaterinburg: UrO RAN Publ., 2011. (in Russ.).
- Volkov V. V. [The national historiography on the economic modernization of Russia during its imperial period]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2007, no. 1, pp. 79–89. (in Russ.).
- Zverev V. V. [The route of searching, losses, and disappointments]. *Rossiiskaia Istoria* [Russian History], 2018, no. 3, pp. 26–32. (in Russ.).